

Убийство в кукольном доме. Как расследование необъяснимых смертей стало наукой криминалистикой

Автор:

[Брюс Голдфарб](#)

Убийство в кукольном доме. Как расследование необъяснимых смертей стало наукой криминалистикой

Брюс Голдфарб

Больше чем жизньМИФ Культура

Удивительная история Фрэнсис Глесснер Ли – матери современной криминалистики – и увлекательный рассказ о том, как зарождалась судебная медицина.

На протяжении большей части человеческой истории подозрительные смерти практически не расследовались. Убийства в подавляющем большинстве случаев сходили преступникам с рук.

Фрэнсис Глесснер Ли, светская львица из богатой и влиятельной чикагской семьи, в силу своего статуса вообще не собиралась делать никакую карьеру, не говоря уже о том, чтобы погрязнуть в расследованиях преступлений. Шли не слишком примечательные годы и десятилетия ее жизни, пока у Фрэнсис неожиданно не появилось необычное хобби. Она познакомилась с судмедэкспертом Джорджем Магратом, который рассказывал ей о случаях из своей практики, а со временем стал пускать в комнату для вскрытий, чтобы наблюдать за процессом. Было время поговорить о ядах, травмах и характерах повреждений. Фрэнсис стала ненасытным читателем, штудировала книги о преступлениях и в конечном итоге создала самую обширную в стране библиотеку юридической медицины.

Всё это привело ее к созданию методики исследования преступлений: через серию диорам размером с кукольный домик, детально изображающих места

реальных преступлений – «Этюд» на тему необъяснимой смерти». Они были впервые использованы в качестве учебного пособия на семинарах по убийствам как часть первой программы по юридической медицине в Гарвардской медицинской школе в 1930-х годах, а затем с 1945 года использовались на семинарах по убийствам для полицейских детективов. Кукольные домики Фрэнсис до сих пор изучаются и считаются классикой криминалистики. Ли стала источником вдохновения для документального фильма, книги фотографий, минимум двух сборников стихов и даже сюжета популярного телесериала о судебной медицине.

В этой книге Брюс Голдфарб рассказывает необычную историю Фрэнсис Глесснер Ли, вплетая ее в историю современной криминалистики.

Для кого эта книга

Для тех, кто интересуется редко освещаемыми страницами истории, жанром true crime, биографиями незаурядных личностей, сильных женщин.

От автора

Несмотря на то, что личность и деятельность Фрэнсис Ли вызвала неподдельный интерес, историю ее жизни никто никогда не рассказывал. Статьи о Ли и «Этюдах», которые я читал в печати и в интернете, изобиловали ошибками и неверной информацией. Ли изображали богатой старухой, которая строила странные кукольные домики. Я знал, что это далеко не всё, что она собой представляла. Она была проводником перемен: реформатором, педагогом и пропагандистом судебной медицины.

Становилось всё более очевидно, что нужно рассказать историю Ли. Кому можно было бы доверить эту миссию – изложить историю честно, старательно и подробно? Кто мог бы представить факты и при этом не использовать личность Ли в тех или иных политических целях? Единственный человек, кому я бы доверился, – я сам. Поэтому я взялся за работу – из уважения к Ли и чувства долга перед ее наследием.

Ли требовала, чтобы следователи неустанно изучали факты, чтобы установить истину, и руководствовались уликами, куда бы они ни вели. Рассказ ее собственной истории заслуживает того же. Я подошел к этой теме как журналист, освещающий исторические события. Я постарался представить факты без домыслов и приукрашивания. Не знаю, смог бы я когда-нибудь соответствовать строгим стандартам Ли. Но надеюсь, что отдал ей должное.

На русском языке публикуется впервые.

Брюс Голдфарб

Убийство в кукольном доме. Как расследование необъяснимых смертей стало наукой криминалистикой

Original title:

18 Tiny Deaths. The Untold Story of Frances Glessner Lee and the Invention of Modern Forensics

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Text copyright © 2020 by Bruce Goldfarb.

© Перевод, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Бриджит, Кайе и Квин

Следователь должен всегда помнить о возложенной на него двойной задаче: оправдать невиновного и обнаружить виновного. Его интересуют только факты – сама суть истины.

Фрэнсис Глесснер Ли

Ключевые персонажи

Семья Глесснеров

Джон Джейкоб Глесснер

Сара Фрэнсис Макбет Глесснер – жена Джона Джейкоба Глесснера, известная как Фрэнсис Макбет

Джон Джордж Макбет Глесснер – сын Джона Джейкоба и Фрэнсис Макбет Глесснер, известный как Джордж

Фрэнсис Глесснер Ли – дочь Джона Джейкоба и Фрэнсис Макбет Глесснер, известная в детстве как Фанни

Друзья семьи Глесснеров

Доктор Джордж Берджесс Маграт – гарвардский однокурсник Джорджа Глесснера, патологоанатом Северного судебного округа в округе Суффолк

Айзек Скотт – дизайнер, ремесленник и художник, создававший мебель и декоративные изделия для Глесснеров

Медицинская школа Гарварда

Джеймс Брайант Конант – президент Гарвардского университета (1933–1953)

Доктор Сидни Бервелл – декан Медицинской школы Гарварда (1935–1949)

Доктор Алан Мориц – заведующий кафедрой судебной медицины (1937–1949)

Доктор Ричард Форд – заведующий кафедрой судебной медицины (1949–1965)

Другие

Доктор Роджер Ли – выдающийся бостонский терапевт и личный врач Джорджа Берджесса Маграта и Фрэнсис Глесснер Ли, не родственник

Доктор Алан Грегг – директор отделения медицинских наук Фонда Рокфеллера, отвечающий за финансирование проектов по улучшению медицинских услуг

Эрл Стенли Гарднер – знаменитый автор романов о Перри Мейсоне

Предисловие

Я впервые увидела диорамы Фрэнсис Глесснер Ли в 2003 году, когда, будучи еще молодым врачом, отправилась в Балтимор, чтобы пройти собеседование на вакансию в бюро судебно-медицинской экспертизы. Директор бюро, доктор Дэвид Фаулер, спросил, видела ли я «Этюды». Я честно ответила: понятия не имею, о чем он говорит. Тогда Фаулер отвел меня в темную подсобку и включил свет. В углу комнаты стояли небольшие коробки, прикрытые от пыли тряпками, а в них под оргстеклом скрывался замысловатый и причудливый мир насилия и смерти.

«Этюды на тему необъяснимой смерти» – это сцены убийства в миниатюре. Я внимательно их рассматривала. Заметила напольную плитку в горошек и обои с невероятно детальным цветочным узором в одной из крошечных комнат. В другой коробке находился деревянный домик с кухней и двухъярусными кроватями. На чердаке лежали снегоступы, на плите стояла кастрюля. Ребенком я играла с похожим домиком и постоянно упрашивала отца отвезти нас в магазин миниатюр, чтобы купить аксессуары для моего личного маленького мира, но я никогда раньше не видела настолько тщательно проработанных кукольных домов. Чтобы сделать тарелки для кукол, я использовала пластиковые кружочки от бутылочных пробок. В «Этюдах» тарелки были сделаны из фарфора. Фарфора! На кухонных полках стояли консервные банки, и надписи на них (как и заголовки в газетах) можно было прочитать. Я замороженно рассматривала детали.

А среди деталей были брызги крови на обоях, гротескные обгоревшие останки тела на сожженной кровати, висельник с побагровевшим лицом. Совсем не обычные кукольные дома. Не игрушки для детей. Что же такое я рассматривала? Кто это сделал? И самый захватывающий вопрос: что здесь произошло, в каждой из историй, запечатленных в миниатюре?

Я приехала на собеседование в Балтимор после двух лет обучения на судебного патологоанатома в Нью-Йоркском бюро судебно-медицинской экспертизы. Во время учебы я вместе с судмедэкспертами из бюро бывала там, где погибли люди. Мне объясняли, что нужно искать и что можно найти на месте смерти, чтобы по велению закона окончательно определить причину и род необъяснимой, внезапной или жестокой кончины. Именно так судмедэксперты учатся расследовать смерти – на практике.

Есть что-то неприятное и извращенное в необходимости без приглашения заходить в чужой дом, рыться в аптечке, мусорных баках и холодильнике, пытаться установить, почему хозяин дома лежит на полу мертвый. Следователи из Нью-Йоркского бюро были дипломированными профессионалами, они научили меня, на чем нужно сосредоточить усилия: что следует высматривать, нюхать, щупать и к чему прислушиваться.

В аптечке вы найдете свидетельства недугов покойного. Большая бутылка антацида подскажет, что он страдал от проблем с пищеварением, но также может говорить и о недиагностированных проблемах с сердцем. Упаковки рецептурных лекарств расскажут, использовались ли эти препараты по

назначению, а может, их вовсе не принимали или, наоборот, злоупотребляли таблетками. В мусорном ведре порой скрываются неоплаченные счета, извещения о выселении или выброшенный черновик предсмертной записки. Иногда в холодильнике полно еды, а иногда стоит лишь одинокая бутылка водки. Если еда свежая, то и труп, скорее всего, тоже. Если же она испортилась, это может подсказать степень разложения тела и помочь определить время смерти. На месте трагедии все составляет часть истории, здесь истина обычно скрывается в деталях. Я, судмедэксперт, не могу поговорить с пациентом. Его история болезни – это его окружение, именно на эти данные я буду опираться на следующий день в морге, проводя вскрытие и дополняя его результатами картину трагедии. Мой наставник, покойный доктор Чарльз Хирш, ведущий судмедэксперт Нью-Йорка с огромным стажем, говорил всем, кому посчастливилось у него учиться: вскрытие – это только часть расследования смерти.

Учась проводить вскрытия, я также узнала, что находки с места гибели не всегда что-то раскрывают. Они могут быть бесполезными. Они могут заводить в тупик. Пистолет в руке покойного и свидетель, утверждающий, что у погибшего была депрессия, – аргументы в пользу самоубийства. Но в морге я обнаруживаю отсутствие ожогов и следов пороха на коже, а значит, в покойного выстрелили с расстояния минимум 80 сантиметров. Человека убили, а затем попытались инсценировать самоубийство. Или кажется, что женщина мирно почил в своей постели во сне. А на следующий день вскрытие показывает, что под чистой кожей на шее залегают глубокие кровоподтеки, а в белках глаз есть точечные кровоизлияния, – все это говорит о насильственном удушении. Так во время учебы я узнала: улики на месте смерти могут подсказать, что вы обнаружите при вскрытии, но не могут полностью его заменить.

Уникальные истории, изображенные в «Этюдях», вернули меня в ту эпоху, когда лишь зарождалось расследование смертей с помощью научных методов, и медики только начали оспаривать первенство коронеров и полицейских детективов в роли экспертов, способных выявить насильственную смерть. Передо мной были работы незаурядного мастера и медицинского эксперта, применившего свои таланты для создания чего-то, что больше, чем наука, и глубже, чем искусство. Экспонаты были практичными, познавательными, а их загадки полностью поддавались расшифровке, при этом интерпретация каждой сцены могла меняться в зависимости от той информации, которую принесло бы вскрытие. Возможность изучать комнаты, заглядывая в них сверху, смотреть на кукол, а не на двигающихся живых людей (или их уже неподвижные тела), позволяла натренировать взгляд и научиться подмечать детали. Я поняла,

что «Этюды на тему необъяснимой смерти» были сродни моей практике в Нью-Йоркском бюро судебно-медицинской экспертизы, только в миниатюре. Те навыки, которые я приобрела, расследуя сцены смерти в разнообразных реальных квартирах, домах, офисах и на стройках, можно было получить и здесь. Меня поразило то, сколько времени и усилий, вероятно, ушло на создание таких разнообразных, сложных и загадочных сценариев и сколь многому можно было научиться, внимательно их изучая.

Когда я впервые разглядывала эти диорамы, хранившиеся в подсобке Балтиморского бюро судмедэкспертизы, они были уже старыми и пребывали не в лучшем состоянии. Присматривали за ними, кажется, только сотрудники бюро, которые иногда заводили гостей полюбоваться на эти работы как на исторический курьез. У публики не было возможности увидеть диорамы. Впрочем, несмотря на их возраст и состояние, работы Фрэнсис Ли по-прежнему использовали для подготовки экспертов. Но я боялась, что вскоре их ждет печальная судьба.

В следующие годы усилиями Брюса Голдфарба – администратора Балтиморского бюро судмедэкспертизы и автора этой книги – «Этюды на тему необъяснимой смерти», сделанные Фрэнсис Ли, починили, обновили и сохранили. В 2017 и 2018 годах их выставляли в Смитсоновском институте, о них писали в книгах, журналах и интернете. Книга Голдфарба стала кульминацией многолетних исторических исследований, опирающихся на первичные источники информации, включая бумаги самой Фрэнсис Глесснер Ли. Это история о том, как одна самостоятельная, упорная, интеллектуальная и творческая женщина погрузилась в хобби, оказавшее огромное влияние и на медицину, и на судебную практику. Голдфарб рассказывает о Фрэнсис Глесснер Ли, о ее уме, влиянии, богатстве и пробивном характере, вписывая ее личную историю в историю судебной экспертизы убийств. Эта захватывающая и атмосферная книга докажет вам, что Фрэнсис Глесснер Ли следует признать родоначальницей современной судебно-медицинской экспертизы.

Ее «Этюды на тему необъяснимой смерти» изменили целый мир.

Джуди Мелинек, доктор наук, судмедэксперт, в соавторстве с Т. Дж. Митчеллом написала мемуары «Ты труп, приятель. 2 года, 262 тела. Откровенные дневники судмедэксперта» и роман «Первый разрез»

Глава 1. Судебная медицина

2 октября 1944 года

Семнадцать патологоанатомов и судмедэкспертов, все в темных костюмах и галстуках, собрались вокруг длинного стола в конференц-зале, обшитом деревянными панелями, на третьем этаже корпуса E-1 Гарвардской медицинской школы. Это было осенью 1944 года. В тысячах милях отсюда война опустошала Европу и острова Тихого океана. Мужчины собрались в Гарварде, чтобы пройти курс по судебной медицине – дисциплине, суть которой заключается в применении медицинских знаний к задачам закона и правосудия.

Доктор Алан Мориц сообщил собравшимся мужчинам неприятную новость. К несчастью, капитан Фрэнсис Глесснер Ли (она предпочитала это обращение, с тех пор как ее произвели в офицеры полиции штата Нью-Гэмпшир) вопреки своим планам не сможет посетить семинар[1 - Письмо от ФГЛ к АРМ, 10 августа 1944 года, ЦМИ.]. Она сломала при падении правую берцовую кость, а затем перенесла два сердечных приступа.

Все собравшиеся – квалифицированные эксперты, связанные с одним из наиболее престижных медицинских институтов США, – прекрасно понимали, что именно предвещали такие проблемы со здоровьем женщине почти 67 лет. Сердечные приступы стали очередной приметой подкрадывающегося упадка сил, который все больше препятствовал повседневной работе Ли. Ее ожидал строгий постельный режим под бдительным присмотром врача, причем надолго.

Для Морица, одного из ведущих патологоанатомов страны, отсутствие Ли было и личной, и профессиональной утратой. Участникам семинара будет не хватать и энциклопедических познаний Ли в области судебной медицины, и умиротворяющего эффекта ее присутствия.

По учебному плану Фрэнсис Ли должна была передать учащимся специфические знания, позволяющие расследовать неожиданные и необъяснимые уходы из жизни, в частности определять время смерти, оценивать информацию о разложении и других посмертных изменениях, о травмах, нанесенных тупыми и

острыми предметами. Ни в одной другой медицинской школе Америки не преподавали ничего подобного.

Ли была самой невероятной кандидатурой в лидеры зарождавшейся судебной медицины. Почтенная пожилая дама, питающая пристрастие к шляпкам без полей в стиле королевы Марии и черным платьям, которые она шила самостоятельно, Ли была одной из богатых и независимых представительниц Позолоченного века Чикаго. Женщина с непростым характером, почти недостижимыми стандартами совершенства и фанатичной целеустремленностью, Ли не просто вела курс судебной медицины в Гарварде. Благодаря силе своей личности и во многом за счет собственных финансов она практически единолично отвечала за становление судебной медицины в Соединенных Штатах.

Реформатор, педагог, правозащитница – ее влияние сложно переоценить. Эту почтенную матрону, стоявшую на пороге старости, почитали как одного из ведущих авторитетов в судебной медицине.

Но путь к этой точке был для Ли непростым. «Мужчины с подозрением относятся к пожилым дамам с идеями, – сказала она однажды. – Главная моя проблема – убедить их, что я не собираюсь во что-то вмешиваться или чем-то руководить. К тому же я должна внушить им мысль, что разбираюсь в том, о чем говорю»[2 - Pete Martin, “How Murderers Beat the Law,” Saturday Evening Post, December 10, 1949.].

Прошло семь лет с тех пор, как она одобрила назначение Морица на пост руководителя первого в стране университетского курса по судебной медицине, и они стали не только коллегами, но и друзьями. Вместе работали над новаторским проектом, способным перевернуть сферу расследования внезапных и подозрительных смертей, создали интенсивный недельный курс по судебной медицине для сотрудников полиции. Мориц и Ли наметили смелый, революционный план, собираясь обучить полицейских современным научным методам криминалистики.

Ли почти два года без усталости работала над серией изощренно детальных миниатюрных диорам – они научат полицейских обследовать место смерти, идентифицировать подсказки, которые помогают определить причины

внезапного или неожиданного ухода из жизни. Фрэнсис назвала эти обучающие модели «Этюдами на тему необъяснимой смерти». Но теперь из-за ее болезни казалось, что все эти масштабные планы обречены.

«Ни одна из моделей не завершена и не может быть завершена, – писала Ли Морицу во время реабилитации в нью-гэмпширской усадьбе Рокс, построенной на принадлежащих ее семье землях (шесть сотен гектаров). – Надеюсь, вы согласитесь со мной, что в данных обстоятельствах семинар для полиции провести невозможно»[3 - Письмо от ФГЛ к АРМ, 10 августа 1944 года, ЦМИ.].

Мужчины, собравшиеся в конференц-зале корпуса E-1, приостановили свои мрачноватые занятия, чтобы составить черновик обращения, которое Мориц должен был передать Ли.

«Сим постановили, что все присутствующие на курсе по судебной медицине в Гарвардской медицинской школе обязуются быть вечно благодарны миссис Фрэнсис Ли и выражают свою признательность за всю ее щедрость, сделавшую возможной проведение данных курсов, которые, в свою очередь, так сильно продвинули развитие судебной медицины в Соединенных Штатах; а также все присутствующие искренне надеются на скорейшее выздоровление миссис Ли и ее возвращение к обычной жизни и самочувствию».

Чтобы оценить новаторскую роль капитана Ли в судебной медицине, необходимо отправиться в прошлое и узнать, как раньше выясняли причины смертей, в особенности смертей неожиданных и необъяснимых.

В 1944 году, согласно демографической статистике Соединенных Штатов, умерло чуть более 1,4 миллиона американцев. Большинство этих людей умерли у себя дома или в больницах. Свидетелями их смертей были врачи, медсестры, члены семей. Было известно, что они болели или перенесли травму, их состояние ухудшалось и затем они скончались.

Примерно одна из пяти смертей была внезапной или неожиданной. Скончавшиеся ничем не болели, умерли насильственной смертью, из-за причинения вреда здоровью или при иных неуточненных обстоятельствах[4 - Committee on Medicolegal Problems, “Medical Science in Crime Detection,” Journal of

the American Medical Association 200, № 2 (April 10, 1967): 155–160.]. Всего в 1944 году было зарегистрировано около 283 тысяч подозрительных смертей, из них не более одного или двух процентов (в лучшем случае несколько тысяч дел) проанализировали квалифицированные медицинские эксперты – доктора, специально обученные диагностировать причины и род смерти. В то время лишь в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе и Ньюарке работали компетентные криминалисты, обученные судебной медицине и располагавшие оборудованными кабинетами. В большей части Соединенных Штатов всё еще пользовались услугами коронеров, архаичным наследием средневековой Англии.

Несмотря на повсеместность и неизбежность смерти, она всегда привлекала особое внимание людей. Разумом мы понимаем, что это произойдет с каждым, но, когда кто-то умирает, нас это все равно печалит и пугает. Глубоко в душе коренится потребность найти ответ. Что случилось? Почему этот человек умер?

Первые попытки расследовать истинную причину смерти в основном касались самоубийств[5 - К историческим источникам информации о работе коронеров относятся: Jeffrey Jentzen, *Death Investigation in America: Coroners, Medical Examiners and the Pursuit of Medical Certainty* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009) и Russell S. Fisher, "History of Forensic Pathology and Related Laboratory Sciences," in *Medicolegal Investigation of Death*, 2nd ed., ed. Werner U. Spitz and Russell S. Fisher (Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1980).]. На протяжении человеческой истории самоубийство рассматривалось как вызов богам или властям или преступление против себя. Солдаты Римской империи, покончившие с собой, считались дезертирами. Самоубийц запрещали хоронить на некоторых кладбищах.

Коронерская система расследований смертей возникла в средневековой Англии. Коронер (от английского *crowner* – «человек короны»), «блюститель королевских интересов», служил представителем властей в уголовном процессе. Основной его обязанностью был сбор денег в пользу короны, в первую очередь налогов и штрафов. Коронер должен был доставлять судебные повестки шерифу и при необходимости мог его арестовать. Он также обладал полномочиями по изъятию королевской рыбы: осетра, белуги и другой добычи, достойной королевского стола, а еще исследовал выброшенные на берег обломки кораблей и найденные клады. Его задачей было убедиться, что корона получит все, что ей причитается.

Коронер также расследовал внезапные смерти и смерти, казавшиеся неестественными, выяснял, не был ли покойный убит или не покончил ли он с

собой. Когда убийцу казнили или лишали свободы, все его имущество – дом, землю и прочее – конфисковывали. Поскольку суицид был преступлением против короны, коронер забирал в пользу двора и имущество самоубийц.

Коронеры были обязаны ответить на два вопроса: что вызвало смерть и кто за нее в ответе[6 - Theodore Tyndale, "The Law of Coroners," Boston Medical and Surgical Journal 96 (1877): 243–258.]. Первый вопрос относится к сфере медицины, а второй – к сфере уголовного права. Но коронеру не требовалось знать врачебное дело или закон. Он проводил коронерское расследование, которое совмещало черты медицинской и юридической экспертиз, для чего созывал следственное жюри из десяти – двенадцати человек. Большинство из них были неграмотными крестьянами, но многие могли знать покойного или быть свидетелями смерти. В расследованиях имели право участвовать только взрослые люди.

Коронер и следственное жюри были обязаны изучить труп, как правило, на том же месте, где произошла смерть или где останки были найдены. Расследование проводилось *super visum corporis* («по обозрению тела»). Невозможность осмотреть тело лишала расследование юридической силы, и тогда оно просто не проводилось. Члены жюри должны были хорошенько обследовать труп, а не просто быстро окинуть его взглядом. Полагалось изучить тело на предмет признаков насилия и отметить наличие ран.

Конечно, в отсутствие базовых медицинских знаний мало что можно выяснить, осматривая мертвое тело. Тем не менее после изучения трупа и опроса свидетелей жюри путем голосования выносило вердикт. Не то чтобы научно обоснованный.

Если присяжные решали, что произошло убийство, следствие должно было назвать убийцу. Коронер имел право предъявить обвинение и арестовать обвиняемого, а шериф был обязан держать его в тюрьме до суда. Коронер выслушивал признание, если обвиняемый его давал, и конфисковывал собственность тех, кого в итоге приговаривали и казнили.

Когда северные европейцы колонизировали Америку, они привезли с собой английское общее право. Шериф, мировой судья и коронер – пережитки Средних веков.

Одно из первых зарегистрированных коронерских расследований в Америке состоялось в Нью-Плимуте зимой 1635 года, когда Джон Дикон, молодой слуга торговца мехом, был найден мертвым. «Обыскав тело, мы не нашли ни ран, ни следов ударов и никакого другого повреждения тела, – подвели итог присяжные. – Мы находим, что причиной его смерти стала телесная слабость, вызванная продолжительным голодом, усталостью от долгой ходьбы и крайнего холода»[7 - Часть данного раздела взята из статьи Брюса Голдфарба *Death Investigation in Maryland*, опубликованной в *The History of the National Association of Medical Examiners*, 2016 ed., 235–264, <https://www.thename.org/assets/docs/NAME%20e-book%202016%20final%2006-14-16.pdf> (<https://www.thename.org/assets/docs/NAME%20e-book%202016%20final%2006-14-16.pdf>). Также были использованы следующие источники: Julie Johnson-McGrath, “Speaking for the Dead: Forensic Pathologists and Criminal Justice in the United States,” *Science, Technology, and Human Values* 20, no. 4 (October 1, 1995): 438–459; Michael Clark and Catherine Crawford, eds., *Legal Medicine in History* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994); Jentzen, *Death Investigation in America*; Fisher, “History of Forensic Pathology.”].

В Мэриленде первый коронер появился через три года после основания колонии. Томас Балдридж, фермер, выращивавший табак, был назначен шерифом и коронером округа Сент-Мэрис в 1637 году. Балдридж получил совершенно расплывчатую инструкцию: «Делайте всё и вся... что делают коронеры или шерифы в любом округе Англии»[8 - Инструкции Томаса Балдриджа: William G. Eckert, ed., *Introduction to Forensic Sciences*, 2nd ed. (New York: Elsevier, 1992), 12.]. (Более подробное описание должностных обязанностей коронера появилось в 1640 году: «Обнаружив или заподозрив, что некий человек умер в пределах границ судебного округа, беспрепятственно осмотреть мертвое тело и, допросив людей под присягой, вынести правдивый вердикт о том, как, согласно доказательствам, погибла рассматриваемая персона»[9 - Aric W. Dutelle and Ronald F. Becker, *Criminal Investigation*, 5th ed. (Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2013), 8.].)

Два дня спустя после своего назначения, 31 января 1637 года, Балдридж провел первое расследование. Он собрал 12 присяжных (все они были свободными гражданами, табаководами), чтобы изучить труп Джона Брайанта, погибшего при рубке леса. Когда это произошло, рядом с Брайантом находился Джозеф Эдлоу, также табаковод.

Эдлоу сообщил жюри под присягой, что он просил Брайанта отойти в сторону: «Джон, осторожнее, дерево падает». По словам Эдлоу, Брайант отступил на пять или шесть шагов, но дерево, падая, задело другой ствол и, отскочив, упало на Брайанта, раздавив его своим весом. «И более названный Джон Брайант не произнес ни одного слова», – записали присяжные.

Балдридж вместе с жюри исследовал тело покойного. Они отметили «две царапины под его подбородком слева». Следователи справились со своим делом настолько хорошо, насколько можно было ожидать от группы неподготовленных фермеров, и пришли к выводу, что Брайант умер от кровопотери[10 - J. Hall Pleasants, ed., Proceedings of the County Court of Charles County, 1658-1666, Archives of Maryland 1936, xl – xli; “An inquest taken before the Coroner, at mattapien in the county of St maries, on Wednesday the 31. Of January 1637,” USGenWeb Archive, <http://files.usgwarchives.net/md/stmarys/wills/briant-j.txt> (<http://files.usgwarchives.net/md/stmarys/wills/briant-j.txt>).].

Обязанностью Балдриджа как коронера была организация похорон и продажа имущества погибшего для уплаты его долгов. Запись о расследовании кончины Брайанта также включает тоскливый перечень пожитков: «два костюма и старый дублет», чулки и кальсоны, миски и ложки, немного мебели, каноэ, петух и курица, а также слуга Элиас Бич.

Первое известное вскрытие в Америке прошло в штате Мэриленд 25 февраля 1642 года[11 - “Early medicine in Maryland, 1636-1671,” Journal of the American Medical Association 38, no. 25 (June 21, 1902): 1639; “Judicial and Testamentary Business of the Provincial Court, 1637-1650,” Maryland State Archives, vol. 4: 254.]. Его провел Джордж Бинкс, «лицензиат медицины», который был назначен старшиной присяжных во время коронерского расследования смерти мальчика-индейца, застреленного кузнецом по имени Джон Дэнди.

«Мы выяснили, что этот индеец (по имени Эдвард) пришел к своей смерти в результате выстрела, произведенного Джоном Дэнди, пуля которого попала в надбрюшье возле пупка справа, наискосок опустилась, пробив кишечник, задела последний позвонок и застряла со стороны Ано [ануса]», – сообщалось в докладе.

Что касается Дэнди, то он был приговорен к штрафу в размере трех тысяч фунтов табака и к смерти. Коронер конфисковал «имущество и скот Дэнди, а также переместил его ружья и боеприпасы в более безопасное место, чтобы не

допустить их похищения индейцами». Смертельный приговор Дэнди был заменен семью годами службы в качестве палача.

Человеческая история в целом – история прогресса и непрерывного усовершенствования. Наша жизнь стала несравнимо лучше благодаря прорывным достижениям в сельском хозяйстве, гигиене, транспорте и медицине. Мы приручили электричество, построили железные дороги и изобрели телефоны. Но на протяжении почти трех веков методы расследования неестественных смертей в Америке практически не изменялись. В большей части страны они оставались анахронизмом, наследием XIII века, имевшим больше отношения к алхимии, чем к современной медицине, опирающейся на науку.

Коронер был местным чиновником, его юрисдикция охватывала округ или город. Он мог быть шерифом, членом магистрата или мировым судьей. Он также мог быть плотником, пекарем или мясником. Во многих округах коронерами работали гробовщики. Коронера обычно избирали либо назначали избранные власти, так что его должность всегда была политически ангажированной. Он попадал на свое место благодаря не опыту или усердию, а политическим связям и лояльности. Чтобы сохранить этот пост, надо было поддерживать хорошие отношения с избирателями или политическими лидерами. Знать что-либо о медицине коронеру было необязательно – определить причину смерти ему помогал врач, которого обычно называли коронерским врачом, судебным медиком или медэкспертом.

Можно предположить, что, пока Америка оставалась преимущественно сельскохозяйственной, деревенской страной, коронерских расследований было вполне достаточно. Большинство внезапных смертей, скорее всего, были несчастными случаями, происходили по естественным причинам, таким как инфаркты или инсульты. В редких случаях подозрительных смертей виновники обычно не имели возможности скрыться с места преступления. Часто находились свидетели. Идентифицировать тело не составляло труда, потому что у покойного обычно была семья или соседи. Большинство людей не отъезжали далеко от тех краев, где родились, так что все знали друг друга. В таких обстоятельствах 12 здравомыслящих соседей – это лучше, чем ничего.

Но по мере того, как росли города, недостатки системы коронеров становились всё очевиднее[12 - Julie Johnson, "Coroners, Corruption and the Politics of Death:

Forensic Pathology in the United States,” in Clark and Crawford, *Legal Medicine in History*, 268–289.]. Людей становилось все больше, как и возможностей для преступников. В нескольких кварталах большого города в убогие многоквартирные дома набивались десятки тысяч человек – приезжие, иммигранты, бывшие фермеры в поисках работы. Злоумышленник мог легко скрыться с места преступления на поезде или машине. В таких городах, как Нью-Йорк, Филадельфия, Чикаго или Бостон, стало очень легко затеряться, а значит, расследование подозрительных смертей оказывалось гораздо более сложным.

К тому же практически по всей стране коронеры имели репутацию малограмотных взяточников. Их положение было весьма удобным для коррупции, мести и шантажа. Коронер заводил связи с могильщиками, готовыми отстегнуть ему наличные. В некоторых юрисдикциях он имел право предъявлять обвинение и устанавливать сумму залога в случае убийства или преступной неосторожности, например при гибели на рабочем месте, но эта проблема легко решалась с помощью денег и влияния.

Коронеры были вправе организовывать расследования по собственному усмотрению, при этом за каждое дело коронеру и присяжным платили, что, по сути, позволяло им запустить руки в государственный карман. Коронеры выбирали в присяжные своих дружков и могли рассчитывать, что те не глядя подпишут любое заключение, на которое укажет полиция или прокуратура. Вместо того чтобы помогать уголовному правосудию, коронеры часто становились помехой на его пути. Из-за своей нерасторопности они затягивали с предъявлением обвинений в убийствах, часто совершали примитивные ошибки. Их показания в суде зачастую были ненадежными и бесполезными.

Судебные медики при коронерах часто были ничем не лучше – некомпетентны и равнодушны к своим обязанностям. В 1920 году Реймонд Моли, профессор уголовного права Колумбийского университета, изучил дела, предоставленные коронерами округа Кайова в штате Огайо. Он обнаружил изобилие нелепых записей о причинах смерти: «то ли смерть, то ли самоубийство», «тетка сказала, что она жаловалась на пневмонию, похоже на наркоманию», «подозрительно напоминает отравление стрихнином», «найден мертвым», «голова отделена от тела», «то ли нападение, то ли диабет», «диабет, туберкулез или нервное несварение» и «найден раздавленным»[13 - Raymond Moley, *An Outline of the Cleveland Crime Survey* (Cleveland: Cleveland Foundation, 1922).].

В 1914 году работу нью-йоркской коронерской системы расследовал комиссар счетной палаты города Леонард Вальштейн. Положение комиссара давало ему право истребовать документы и вызвать свидетелей для дачи показаний.

Слухи о расследовании пришпорили коронеров, которые затягивали с отчетами. Спустя месяц после объявления о расследовании Вальштейна коронеры подали отчеты о 431 предположительно насильственной смерти, около 200 из них произошли более года назад, еще 63 – более трех лет назад.

Выслушав свидетелей, в том числе всех городских коронеров и судебных медиков, в январе 1915 года Вальштейн издал разгромный отчет: среди всех мужчин, занимавших должность коронера, «ни один не обладал достаточным опытом или знаниями, чтобы считаться квалифицированным для надлежащего исполнения своих обязанностей». Из 65 человек, которые служили коронерами с основания Нью-Йорка в 1898 году, только 19 были врачами. В отчете уточнялось, что восемь человек были могильщиками, семь – «политиками и хроническими чинушами», шесть – агентами по недвижимости, двое содержали салуны, двое были водопроводчиками, а остальные представляли самые разные профессии, включая печатника, аукциониста, мясника, музыканта, молочника и резчика по дереву[14 - Leonard Michael Wallstein, Report on Special Examination of the Accounts and Methods of the Office of Coroner in New York City (New York: Office of the Commissioner of Accounts, 1915).].

Джордж Лебрен, который служил секретарем коронера сорок лет, в своих показаниях заявил, что коронеры Нью-Йорка были «бессовестными мошенниками, торгующими правосудием за мелкую монету. Единственное, что их интересует в каждом новом случае, – это выяснить, на чем они могут нажиться и как использовать свое положение для шантажа»[15 - Jentzen, Death Investigation in America, 25.].

Судебные медики «набирались из рядов посредственности», гласил доклад Вальштейна. Хорошие врачи с обширной практикой не хотели тратить время на то, чтобы среди ночи осматривать трупы и связываться с судебными тяжбами. Врачей, которые были готовы сотрудничать с коронерами, притягивал стабильный источник легких денег. Они часто лишь окидывали тела взглядом, а то и вовсе ничего не делали. В докладе приводились примеры, когда врачи в моргах подписывали пачки свидетельств о смерти, едва взглянув на покойных.

Причины смертей, заверенные коронерами, часто были до абсурда нелепыми. В одном случае таковой был объявлен разрыв аневризмы грудной аорты, причем диагноз этот каким-то образом поставили без вскрытия. Одновременно в докладе coronera забыли упомянуть, что у покойного было смертельное пулевое ранение головы, а в руке – револьвер 38-го калибра, из которого был совершен один выстрел.

Следователи Вальштейна пересмотрели 800 свидетельств о смерти и обнаружили «полное отсутствие доказательств, оправдывавших выбор указанной причины смерти» в 40 процентах документов. Когда coronerских медиков спрашивали, почему они выбрали один диагноз вместо другого, имеющего схожие признаки и симптомы, те часто признавались, что не могут объяснить свои выводы. И кажется, они брали диагнозы с потолка.

«В целом у судебных медиков есть излюбленные причины смерти, – писал в докладе Вальштейн. – К ним относятся хронический нефрит, хронический эндокардит и, если речь идет о младенцах, судороги... Хронический нефрит и эндокардит ведут захватывающую борьбу почти на равных».

Свидетельства о смерти, заверенные коронерами, были настолько ненадежными, что представители отдела здравоохранения подтвердили: городская статистика смертности стала бы куда более точной, если бы такие свидетельства перестали учитывать вообще.

Система медицинской экспертизы отличается от coronerской в частности тем, что ответственность за определение причины и рода смерти лежит на компетентном враче, специально обученном такого рода диагностике. Юридическую часть работы coronera выполняет полиция, прокуратура и суд. Coronerские расследования теперь полностью отменены.

Конечно, нельзя сказать, что все coronеры были коррумпированы или некомпетентны. Разумеется, среди них были достойные и честные люди, которые добросовестно выполняли свои обязанности. Увы, и сейчас некоторые судебно-медицинские эксперты не пригодны для этой работы. В оправдание медиков тех лет стоит сказать, что врачи мало что узнавали о смерти в медицинских школах, потому что пациенты, которых им предстояло лечить, были живы. Диагностика причины и рода смерти не входила в программу медицинских вузов.

Полиция также была совершенно не подготовлена к научному исследованию убийств примерно до середины XX века. Лишь в редких полицейских отделениях для трудоустройства требовался диплом о высшем образовании, и многие офицеры не окончили даже школу. Как и коронеры, многие полицейские не умели читать и писать, особенно в маленьких городах и сельской местности. Подготовка к работе была минимальной. Самым суровым в стране считался восьминедельный курс для новых рекрутов кливлендского полицейского отделения, введенный в конце 1910-х годов[16 - Raymond Fosdick, "Part I: Police Administration," *Criminal Justice in Cleveland* (Cleveland: Cleveland Foundation, 1922), 34-35.]. В полицию брали не за интеллект, а за силу и бесстрашие, способность разнять драку или затолкать подозреваемого за решетку. Навыки критического мышления также не имели значения, поскольку признание из подозреваемого можно было добыть путем допроса с пристрастием, то есть угрозами, запугиванием и побоями.

На месте смерти полицейские часто становились помехой. В неуклюжих попытках осмотра они нередко уничтожали улики: топтались по следам крови, перемещали труп, ощупывали оружие, засовывали пальцы в дырки от огнестрельных выстрелов на одежде. Эти действия влияли на все дальнейшее расследование. Если полицейские были небрежны, если они упускали признаки обмана, не справлялись с фиксацией улик, критически важных для определения причины и вида смерти, то расследование было обречено с самого начала.

Реймонд Моли в своем докладе об уголовном правосудии в Кливленде особенно жестко прошелся по детективам, как правило, старшим и более опытным полицейским. Он описал их как недисциплинированных, плохо подготовленных и не умеющих работать с убийствами и другими серьезными преступлениями. «Считается, что детективы – это элита среди мужчин в форме. Примерно четверть из них обладают настолько низким интеллектом, что их можно сравнить с мальчишками девяти – тринадцати лет. Это подтверждается многочисленными примерами слабой детективной работы»[17 - Moley, *Cleveland Crime Survey*, 8.].

С середины до конца 1800-х годов репутация коронеров Бостона была такой же плохой, как и везде. Губернатор мог назначить неограниченное число коронеров, и такое назначение было лакомым кусочком, фактически лицензией на коррупцию. До создания бюро судебно-медицинской экспертизы в 1877 году в городе было 43 коронера. В Нью-Йорке, где население было в три раза больше, работали четыре коронера на всю юрисдикцию. В округе Суффолк было больше

коронеров, чем в Нью-Йорке, Филадельфии, Новом Орлеане, Чикаго, Сан-Франциско, Балтиморе и Вашингтоне вместе взятых[18 - James C. Mohr, *Doctors and the Law: Medical Jurisprudence in Nineteenth-Century America* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996), 214.].

«Коронер – представитель власти, вооруженный практически полнейшей силой закона», – писал видный бостонский адвокат Теодор Тиндейл[19 - Tyndale, “*Law of Coroners*,” 246.].

В первую очередь он решает по своему усмотрению, необходимо расследование или нет, и уже очевидно, насколько велики возможности для злоупотребления в этой сфере: человеку, чья безнравственность и страх сильнее чести и честности, будет несложно помешать правосудию преградить дорогу любому законному расследованию преступления, лживо объявив его необязательным, а затем отвести подозрения, скрыть следы и улики, организовав поспешные похороны. Но раз он способен таким образом защищать виновных и подвергать угрозе публичную безопасность, то возможности человека, одержимого злобой или мстительностью, или желанием дешевой известности, воистину достаточно велики, чтобы заставить нас содрогнуться.

Скандал, который предшествовал концу коронерской системы в Бостоне, разгорелся, когда в мусорном баке нашли тельце новорожденного. Один из районных коронеров Бостона провел расследование, вынесшее вердикт «смерть от рук неустановленного лица». Каждый член жюри получил два доллара, а коронер заработал десять долларов. Но вместо того, чтобы проявить хоть малейшее достоинство, коронер решил воспользоваться случаем. Труп младенца подкинули в другой район, чтобы следующий коронер провел новое расследование и выкинул тело снова. Разлагающийся детский трупик использовали четыре раза, пока об этой отвратительной афере не стало известно общественности[20 - Martin, “*How Murderers Beat the Law*.”].

Таким был конец коронеров Бостона. В 1877 году законодатели отменили коронерскую службу и расследования и назначили компетентного врача ответственным за расследование смертей.

Таким был мир, который стремилась изменить капитан Фрэнсис Глесснер Ли. До ее вмешательства расследования смертей шли протоптанной дорожкой,

сворачивая с нее лишь тогда, когда общественность потрясали особенно возмутительные скандалы. Фрэнсис Ли предстояло вывести Соединенные Штаты из тьмы Средневековья, заменить коронеров судмедэкспертами и модернизировать расследования неожиданных и необъяснимых смертей.

Полицейское отделение Чикаго старше, чем сам город[21 - "History," Chicago Police Department, по состоянию на 20 апреля 2018, <https://home.chicagopolice.org/inside-the-cpd/history/> (<https://home.chicagopolice.org/inside-the-cpd/history/>); об Орсемиусе Моррисоне см. A History of the City of Chicago: Its Men and Institutions (Chicago: Inter Ocean, 1900), 440-441.]. Тридцать первого января 1835-го, за два года до основания города, Генеральная ассамблея Иллинойса разрешила поселению Чикаго создать собственную полицию. Семь месяцев спустя Орсемиус Моррисон был выбран первым городским констеблем.

Будучи констеблем, Моррисон носил «церемониальный жезл» – покрашенную в белый цвет деревянную дубинку, которая была не столько оружием, сколько украшением и символом возложенных на него полномочий. В обязанности констебля входили сбор штрафов и налогов, а также служба в качестве коронера округа Кук и проведение расследований в случае подозрительных смертей.

Первым делом Моррисона было расследование смерти приезжего француза, найденного мертвым осенью 1835 года[22 - Richard L. Lindberg, Gangland Chicago: Criminality and Lawlessness in the Windy City (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015), 3-5.]. Труп нашли рано утром наполовину погруженным в грязную канаву в лесистой местности, где сходились несколько улиц (сегодня на этом перекрестке располагается здание городского Совета). Моррисон созвал присяжных. Они выяснили, что покойный остановился в отеле и отправился на вечернюю прогулку. Он был пьян и, очевидно, заблудился и упал на заболоченном участке. Присяжные пришли к выводу, что мужчина замерз до смерти по несчастному стечению обстоятельств. Свидетельств иного не было.

Когда Моррисон служил констеблем, Чикаго был поселком, где жили немногим более четырех тысяч человек. Однако поселок, удобно расположенный неподалеку от Великих озер, железных дорог и реки Миссисипи, быстро стал крупным центром промышленности и торговли. Сельскохозяйственное оборудование, продававшееся в Чикаго, преобразовало обширные прерии

страны в изобильные фермерские земли. Скот и свиньи, которых выращивали на Среднем Западе, возвращались в Чикаго для забоя, а оттуда мясо вместе с зерном и кукурузой поставлялось по всем Соединенным Штатам. Город стал домом для крупнейших промышленников страны и некоторых самых богатых семейств.

В 1800-е годы население Чикаго увеличивалось с захватывающей дух скоростью. К 1860-м годам город вместил более сотни тысяч человек. В следующее десятилетие количество жителей почти утроилось, достигнув трех сотен тысяч. И среди легиона молодых людей, мигрировавших в Чикаго в тот период роста, были родители Фрэнсис Ли – Джон Джейкоб Глесснер и Фрэнсис Макбет.

Сын газетного издателя Глесснер родился в 1842 году и провел годы своего становления в Огайо. В двадцать лет он выбился в люди, получив место счетовода в компании Warder, Child & Co, расположенной в Спрингфилде, промышленном городе на юго-западе штата[23 - Timothy B. Spears, Chicago Dreaming: Midwesterners and the City, 1871-1919 (Chicago: University of Chicago Press, 2005), 24-50.]. Фирма, делавшая сеялки, косилки и сажалки, входила в число крупнейших производителей сельскохозяйственного оборудования в стране. Глесснеру, хорошо подкованному в бизнесе, успех был обеспечен. В Спрингфилде молодой человек снимал комнату у семьи Макбет, в их доме он познакомился с Фрэнсис, юной учительницей, и влюбился в нее.

В 1869 году директор Warder, Child & Co решил открыть офис в Чикаго, чтобы увеличить свое представительство на Среднем Западе. Глесснер вызвался возглавить новое отделение и был назначен вице-президентом компании. Они с Фрэнсис поженились в доме ее родителей в Спрингфилде, навестили родителей Джона, а затем сели на поезд, чтобы начать новую жизнь в Чикаго.

Второго октября 1871 года, за неделю до Великого чикагского пожара, Глесснеры отпраздновали рождение своего первого ребенка, Джорджа Макбета. Дочь Фрэнсис родилась 25 марта 1878 года. Здоровую полненькую девочку называли Фанни.

Глесснер неуклонно богател. Когда в 1877 году он стал младшим партнером компании, его доля составила 39 600 долларов (или 872 тысячи по нынешним ценам). К сорока годам Джон Джейкоб Глесснер владел капиталом приблизительно в 27 миллионов долларов (в пересчете на современные деньги). Он был одним из самых богатых людей в Чикаго.

В один прекрасный момент пять самых крупных производителей сельскохозяйственного оборудования – McCormick Harvesting Machine Company, Deering Company, Plano Manufacturing Company, Wisconsin Harvester Company и Warder, Bushnell, & Glessner (преемница Warder, Child, & Co) – слились, чтобы образовать International Harvester Company. В момент создания компания оценивалась в 150 миллионов долларов. Джон Джейкоб Глесснер, в то время уже директор Warder, Bushnell, & Glessner, был избран председателем исполнительного комитета International Harvester. Теперь ему принадлежала часть крупнейшей компании-производителя в мире, и благополучие семьи Глесснеров было обеспечено на поколения вперед.

Богатство позволяло реализовать общую страсть семьи к музыке и искусству. Джон и Фрэнсис любили посещать живые выступления, оперу и концерты и приучали своих детей, Джорджа и Фанни, разбираться в искусстве. Больше всего Глесснеры увлекались классической симфонической музыкой. Джон был одним из тех, кто выделил средства на основание Чикагского симфонического оркестра в 1891 году. Он оставался горячим поклонником оркестра и поддерживал его до конца своей жизни.

Глесснер, избранный попечителем Ассоциации оркестров, вложил более 12 тысяч долларов в строительство концертного зала по проекту Даниела Бёрнема. Ложа М, расположенная прямо за дирижерским пультом концертного зала, была зарезервирована специально для семьи Джона. Музыку часто исполняли у Глесснеров дома: их близкими друзьями были дирижер Чикагского симфонического оркестра Теодор Томас, его преемник Фредерик Сток и некоторые музыканты оркестра. Игнаций Ян Падеревский, прославленный пианист и впоследствии премьер-министр Польши, также нередко бывал у Глесснеров.

Джон Джейкоб и Фрэнсис Макбет были энтузиастами культурного и интеллектуального самосовершенствования. Глава семейства активно участвовал в литературном клубе, а жена брала уроки литературы, учила французский, итальянский и немецкий. Они ценили качественную мебель, покупали предметы искусства и декоративные объекты для своего дома. Во время визита на Международную промышленную выставку 1875 года Глесснеры заметили восхитительную мебель из черного ореха, созданную Айзеком Скоттом, известным художником, краснодеревщиком и дизайнером[24 - Percy Maxim Lee and John Glessner Lee, Family Reunion: An Incomplete Account of the Maxim-Lee Family History (privately printed, 1971), 354; David A. Hanks, Isaac Scott: Reform

Furniture in Chicago (Chicago: Chicago School of Architecture Foundation, 1974).]. Глесснеры заказали Скотту книжный шкаф, и так началась история прочной дружбы – на всю жизнь. Скотт год за годом создавал мебель, керамику, картинные рамы, вышивки, изделия из олова и другие аксессуары для Глесснеров.

Достаток родителей гарантировал детям Глесснеров жизнь в полном комфорте и безопасности.

Глава 2. «Солнечная улица для избранных»

Статус не спасает от ударов судьбы. Когда первенцу, Джорджу Глесснеру, было около четырех лет, у него развилась сильнейшая аллергия на пыльцу. К тому времени как родилась Фанни, семейный доктор посоветовал Глесснерам проводить лето подальше от грязного, пыльного Чикаго и вывозить Джорджа в сельскую местность, чтобы облегчить симптомы болезни.

Глесснеры узнали о местности в нью-гэмпширских горах Уайт-Маунтинс, где, по слухам, практически не было пыльцы. Они впервые побывали в этих краях летом 1878 года. Фрэнсис болела с тех пор, как родилась Фанни, так что она осталась в Чикаго с девочкой, а Джорджа отправили в Нью-Гэмпшир с тетками, сестрами Фрэнсис, Хелен и Лиззи.

Два дня в поезде – и семья прибыла в Литлтон, городок в 25 милях от горы Вашингтон с населением менее двух тысяч человек[25 - Lee and Lee, Family Reunion, 348.]. Здесь был хорошо развит гостиничный бизнес, ведь сюда съезжались отдыхающие со Среднего Запада и Восточного побережья. В тот период Уайт-Маунтинс могли похвалиться бесчисленными крупными отелями и курортами. Джордж и его тетки въехали в гостиницу «Твин Маунтин», где Джордж в конце концов смог отдохнуть от аллергии[26 - Дневник Фрэнсис Макбет Ли, семейный архив Глесснеров, МДГ (далее «Дневник»), 22 июля 1878 года.].

Фрэнсис Глесснер Ли позже описывала отель «Твин Маунтин» как «огромный амбар». Это было внушительное деревянное здание в три этажа и с мансардой под крутой крышей. «Конечно, там не было водопровода», – отметила она[27 -

Lee and Lee, Family Reunion, 348.].

Многие постояльцы, включая и семью Глесснеров, возвращались в «Твин Маунтин Хаус» каждое лето. Одним из постоянных гостей отеля был Генри Уорд Бичер, прославленный пастор, известный аболиционист и суфражист[28 - Robert Shaplen, "The Beecher-Tilton Affair," New Yorker, June 4, 1954, <https://www.newyorker.com/magazine/1954/06/12/the-beecher-tilton-case-ii> (<https://www.newyorker.com/magazine/1954/06/12/the-beecher-tilton-case-ii>)]. Некоторое время назад Бичер оказался в центре скандала: его репутацию омрачила интрижка с женой помощника, а также серьезный иск от оскорбленного мужа.

Пятилетняя Фанни подружилась с Бичером в «Твин Маунтин». «Я понравилась ему не меньше, чем он мне, – вспоминала она. – По утрам он заходил в бар за лимонадом и часто брал меня с собой. Я сидела у него на коленях с маленьким стаканом ледяного напитка»[29 - Lee and Lee, Family Reunion, 350.].

Однажды утром Джон Джейкоб, приехавший навестить семью, спустился по лестнице и увидел, как Фанни сидит с Бичером за лимонадом. Он замер от возмущения, увидев свою дочь в компании столь безнравственного типа. «Моя дорогая, летний отель не лучшее место, чтобы выращивать детей, – сказал Глесснер жене. – Раз уж мы вынуждены приезжать сюда каждый год из-за аллергии Джорджа, нужно завести собственный дом»[30 - Lee and Lee, Family Reunion, 350.].

Проехавшись по окрестностям в двуколке, Глесснеры нашли замечательный холм, очищенный от леса. Теперь на нем было каменистое пастбище с разбросанными тут и там валунами. С холма открывался прекрасный вид на гору Вашингтон на востоке и города у ее подножья[31 - Дневник, 29 июля 1883 года.]. За 23 тысячи долларов Глесснеры приобрели 40 гектаров земли, на которой также стоял фермерский дом и несколько разномастных сараев. Они назвали свои новые владения усадьбой «Рокс». Усадьба станет важным местом в жизни семьи на многие десятилетия вперед.

Айзек Скотт спроектировал особняк на 19 комнат, построенный на возвышении, откуда открывался вид на Уайт-Маунтин. Строительство завершили к лету 1883 года, оно обошлось в 10–15 тысяч долларов. Глесснеры назвали свою летнюю резиденцию Большим домом.

По мнению «Литлтон газетт», Большой дом Глесснеров был «прекраснейшей летней резиденцией в горах» и обладал «прекрасным обзором, лучшим в этих местах».

Скотт был также автором проекта каретного сарая на гранитном фундаменте, который достроили на следующий год, и многих других построек и сооружений для «Рокс», в том числе пасеки для Фрэнсис Макбет и нескольких летних домиков, напоминающих беседки и соединенных пешеходными дорожками[32 - Информацию о «Рокс» можно найти в брошюре A Historical Walk Through John and Frances Glessner's Rocks Estate; "Heritage and History," The Rocks Estate, по состоянию на 14 сентября 2018 года, <http://www.therocks.mobi/about.html> (<http://www.therocks.mobi/about.html>).]. Для маленькой Фанни Айзек Скотт создал нечто воистину необычное: личный двухкомнатный домик для игр, с кухней и настоящей дровяной плитой.

В поселках по соседству отчетливо проявлялись классовые различия между местными, жившими тут уже много поколений, и богатыми приезжими, такими как Глесснеры, которые покупали летние дома на возвышенностях ради красивых видов. Получалось, местные проживали «под холмом», а дачники – «на холме». Местные жители не понимали, зачем кому-то строить огромный дом в горах, в медвежьем углу, вдали от городского комфорта. Почувствовав их любопытство, Фрэнсис Глесснер пригласила новых соседей посетить «Рокс» и познакомиться с ее семьей[33 - Lee and Lee, Family Reunion, 357–358.]. Она подготовила изысканный прием для гостей, заказала большой черный фруктовый торт из ресторана «Дельмонико» в Нью-Йорке и наполнила погреб лучшими французскими винами. И в один прекрасный день повозка, которую тянули четыре лошади, привезла 16 человек из «Твин Маунтин» в гости к Глесснерам. Фрэнсис велела вынести фруктовый торт и подать вино. «Дамы, одна за другой, смотрели на торт и, задрав носы, говорили: „Нет, спасибо“, пока самая храбрая из них не согласилась и на торт, и на вино и не сказала: „Всё же попробуйте кусочек, миссис Дэво, довольно вкусно“», – вспоминала позже Фанни[34 - Дневник, 356–357.].

Гости забросали Глесснеров вопросами. Вам тут не одиноко? Вам есть чем питаться? «Мы всегда так радовались, когда они уезжали, и нас так раздражало, когда они являлись», – говорила Фанни.

На какое-то время визиты в «Рокс» стали привычным занятием в округе: все хотели посмотреть, что там поделывают Глесснеры. Повозки, набитые местными

жителями и постояльцами отелей, появлялись, к большой досаде семьи, в самое неожиданное время. Дело закончилось скандалом, когда как-то раз полный экипаж туристов подъехал к кухонному окну и заказал кувшин лимонада. Повар, не стесняясь в выражениях, отказал непрошеным гостям. Фанни с большим удовольствием рассказала эту историю родителям, а те распорядились установить пару каменных столбов (чистая формальность, ворота между ними никогда не закрывали) и знак, гласивший: «Просим публику не заходить на эту территорию». «Мы долго спорили о том, как правильно писать: „просим публику“ или „просят публику“», – вспоминала Фанни.

Примерно в то же время Глесснеры задумались о том, чтобы построить в Чикаго собственный дом. Они хотели, чтобы дом спроектировали и возвели специально для них, чтобы он отражал их вкусы и стиль и таким образом вносил свой вклад в архитектурный ренессанс Чикаго после пожара. Изучив соседние районы, Глесснеры приобрели участок на юго-западном углу Прейри-авеню и Восемнадцатой улицы, неподалеку от района Саут-Сайд. Здесь стояли одни из лучших домов в Чикаго. Прейри-авеню была застроена величественными зданиями, обрамленными аккуратно подстриженными лужайками и изящными садами, роскошные лестницы вели к портикам или парадным входам[35 - William H. Tyre, *Chicago's Historic Prairie Avenue* (Chicago, IL: Arcadia Books, 2008).].

Джон Джейкоб Глесснер хотел, чтобы его дом спроектировал известный архитектор, такой как Генри Гобсон Ричардсон, который был создателем бостонской церкви Троицы, государственного приюта для умалишенных в Буффало и здания городского Совета Олбани[36 - Lee and Lee, *Family Reunion*, 327–330.]. Наряду с Луисом Салливаном и Фрэнком Ллойдом Райтом, Ричардсон был одним из ведущих архитекторов своего времени[37 - Finn MacLeod, “Spotlight: Henry Hobson Richardson,” *ArchDaily*, September 29, 2017, <https://www.archdaily.com/552221/spotlight-henry-hobson-richardson> (<https://www.archdaily.com/552221/spotlight-henry-hobson-richardson>).]. После Гарварда в 1860-е годы он отправился в Париж, чтобы учиться в знаменитой Высшей школе изящных искусств, и стал вторым американцем, посещавшим ее архитектурный факультет.

Ричардсон выработал собственный стиль, как и Айзек Скотт с его узнаваемыми отсылками к средневековой архитектуре. К типичным чертам построек Ричардсона относятся толстые стены, полукруглые каменные арки и купы приземистых колонн. Благодаря этим особенностям его манеру стали называть романским стилем Ричардсона.

Глесснер спросил архитектора:

– Говорят, вы занимаетесь только большими зданиями, учреждениями, а не частными резиденциями?

– Я могу спроектировать что угодно, от храма до курятника, – ответил Ричардсон, – именно так я и зарабатываю на жизнь[38 - Дневник, 327.].

Архитектор отправился в резиденцию Глесснеров на Вашингтон-стрит, чтобы почувствовать атмосферу в семье. Вместе с хозяином они устроились в библиотеке и обсуждали, что нужно и чего хотят Глесснеры от своего фамильного дома. На каминной полке стояла маленькая фотография аббатства Абингдон в английском Оксфордшире.

– Вам это нравится? – спросил Ричардсон, показывая на фото.

– Да, – ответил Глесснер.

– Что ж, дайте мне фото, – сказал Ричардсон, – оно будет ключевой идеей вашего дома.

Позже, по дороге к месту строительства, Ричардсон некоторое время молча сидел в экипаже. Спустя несколько минут он выпалил:

– Хватит ли вам смелости построить дом, в котором не будет окон, выходящих на улицу?

– Да, – без колебаний ответил Глесснер, зная, что сможет разорвать чертежи, если они его не устроят.

Мужчины согласились обсудить проект дома во время ужина у Глесснеров на следующий вечер.

Фрэнсис набросала яркий портрет Ричардсона в своем дневнике: «Самый огромный мужчина, которого я видела». (Беспокоясь о том, как бы уместить свое грузное тело на изящной мебели Глесснеров, Ричардсон настаивал, что во время визита будет сидеть на банкетке.) «Он делает пробор посередине головы, –

записала Фрэнсис в дневнике. – Он заикается и брызжет слюной, и очень тяжело дышит, и, если не учитывать его профессию, это не тот, кого бы я назвала интересным мужчиной»[39 - Дневник, 15 мая 1885 года.].

После ужина Ричардсон взял обрывок бумаги и начал делать набросок карандашом. Он нарисовал большую фигуру в форме буквы L, отметив, где будут выходы, и заполнил ее прямоугольниками, представлявшими комнаты. За считанные минуты он набросал первый этаж дома – практически такой, каким он в итоге и оказался.

«Он был самым многогранным, интересным, активным, способным и уверенным из художников, самым душевным и доброжелательным из друзей, – говорил о Ричардсоне Джон Джейкоб. – Его восхищали сложные задачи».

Проект дома Глесснеров авторства Ричардсона был серьезным отступлением от типичного стиля жилых домов того времени. И уж точно он не был похож ни на один дом на престижной Прейри-авеню. Вместо того чтобы обрамлять приветливый сад, северная и восточная внешние стены дома Глесснеров практически касались тротуара. Ряды выступающих гранитных блоков контрастных цветов подчеркивали горизонтальные линии дома. На уровне первого этажа было лишь несколько маленьких квадратных окон. Дом был обращен к прохожим широкими, плоскими и практически лишенными орнамента стенами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Письмо от ФГЛ к АРМ, 10 августа 1944 года, ЦМИ.

2

Pete Martin, "How Murderers Beat the Law," Saturday Evening Post, December 10, 1949.

3

Письмо от ФГЛ к АРМ, 10 августа 1944 года, ЦМИ.

4

Committee on Medicolegal Problems, "Medical Science in Crime Detection," Journal of the American Medical Association 200, № 2 (April 10, 1967): 155-160.

5

К историческим источникам информации о работе коронеров относятся: Jeffrey Jentzen, *Death Investigation in America: Coroners, Medical Examiners and the Pursuit of Medical Certainty* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009) и Russell S. Fisher, "History of Forensic Pathology and Related Laboratory Sciences," in *Medicolegal Investigation of Death*, 2nd ed., ed. Werner U. Spitz and Russell S. Fisher (Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1980).

6

Theodore Tyndale, "The Law of Coroners," *Boston Medical and Surgical Journal* 96 (1877): 243–258.

7

Часть данного раздела взята из статьи Брюса Голдфарба *Death Investigation in Maryland*, опубликованной в *The History of the National Association of Medical Examiners*, 2016 ed., 235–264, <https://www.thename.org/assets/docs/NAME%20e-book%202016%20final%2006-14-16.pdf> (<https://www.thename.org/assets/docs/NAME%20e-book%202016%20final%2006-14-16.pdf>). Также были использованы следующие источники: Julie Johnson-McGrath, "Speaking for the Dead: Forensic Pathologists and Criminal Justice in the United States," *Science, Technology, and Human Values* 20, no. 4 (October 1, 1995): 438–459; Michael Clark and Catherine Crawford, eds., *Legal Medicine in History* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994); Jentzen, *Death Investigation in America*; Fisher, "History of Forensic Pathology."

8

Инструкции Томаса Балдриджа: William G. Eckert, ed., *Introduction to Forensic Sciences*, 2nd ed. (New York: Elsevier, 1992), 12.

9

Aric W. Dutelle and Ronald F. Becker, *Criminal Investigation*, 5th ed. (Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2013), 8.

10

J. Hall Pleasants, ed., *Proceedings of the County Court of Charles County, 1658-1666*, Archives of Maryland 1936, xl - xli; "An inquest taken before the Coroner, at mattapient in the county of St maries, on Wednesday the 31. Of January 1637," USGenWeb Archive, <http://files.usgwarchives.net/md/stmarys/wills/briant-j.txt> (<http://files.usgwarchives.net/md/stmarys/wills/briant-j.txt>).

11

"Early medicine in Maryland, 1636-1671," *Journal of the American Medical Association* 38, no. 25 (June 21, 1902): 1639; "Judicial and Testamentary Business of the Provincial Court, 1637-1650," *Maryland State Archives*, vol. 4: 254.

12

Julie Johnson, "Coroners, Corruption and the Politics of Death: Forensic Pathology in the United States," in Clark and Crawford, *Legal Medicine in History*, 268-289.

13

Raymond Moley, *An Outline of the Cleveland Crime Survey* (Cleveland: Cleveland Foundation, 1922).

14

Leonard Michael Wallstein, Report on Special Examination of the Accounts and Methods of the Office of Coroner in New York City (New York: Office of the Commissioner of Accounts, 1915).

15

Jentzen, Death Investigation in America, 25.

16

Raymond Fosdick, "Part I: Police Administration," Criminal Justice in Cleveland (Cleveland: Cleveland Foundation, 1922), 34-35.

17

Moley, Cleveland Crime Survey, 8.

18

James C. Mohr, Doctors and the Law: Medical Jurisprudence in Nineteenth-Century America (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996), 214.

19

Tyndale, "Law of Coroners," 246.

20

Martin, "How Murderers Beat the Law."

21

"History," Chicago Police Department, по состоянию на 20 апреля 2018, <https://home.chicagopolice.org/inside-the-cpd/history/> (<https://home.chicagopolice.org/inside-the-cpd/history/>); об Орсемусе Моррисоне см. A History of the City of Chicago: Its Men and Institutions (Chicago: Inter Ocean, 1900), 440-441.

22

Richard L. Lindberg, Gangland Chicago: Criminality and Lawlessness in the Windy City (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015), 3-5.

23

Timothy B. Spears, Chicago Dreaming: Midwesterners and the City, 1871-1919 (Chicago: University of Chicago Press, 2005), 24-50.

24

Percy Maxim Lee and John Glessner Lee, *Family Reunion: An Incomplete Account of the Maxim-Lee Family History* (privately printed, 1971), 354; David A. Hanks, *Isaac Scott: Reform Furniture in Chicago* (Chicago: Chicago School of Architecture Foundation, 1974).

25

Lee and Lee, *Family Reunion*, 348.

26

Дневник Фрэнсис Макбет Ли, семейный архив Глесснеров, МДГ (далее «Дневник»), 22 июля 1878 года.

27

Lee and Lee, *Family Reunion*, 348.

28

Robert Shaplen, "The Beecher-Tilton Affair," *New Yorker*, June 4, 1954, <https://www.newyorker.com/magazine/1954/06/12/the-beecher-tilton-case-ii> (<https://www.newyorker.com/magazine/1954/06/12/the-beecher-tilton-case-ii>).

29

Lee and Lee, Family Reunion, 350.

30

Lee and Lee, Family Reunion, 350.

31

Дневник, 29 июля 1883 года.

32

Информацию о «Рокс» можно найти в брошюре A Historical Walk Through John and Frances Glessner's Rocks Estate; "Heritage and History," The Rocks Estate, по состоянию на 14 сентября 2018 года, <http://www.therocks.mobi/about.html> (<http://www.therocks.mobi/about.html>).

33

Lee and Lee, Family Reunion, 357-358.

34

Дневник, 356–357.

35

William H. Tyre, *Chicago's Historic Prairie Avenue* (Chicago, IL: Arcadia Books, 2008).

36

Lee and Lee, *Family Reunion*, 327–330.

37

Finn MacLeod, "Spotlight: Henry Hobson Richardson," *ArchDaily*, September 29, 2017, <https://www.archdaily.com/552221/spotlight-henry-hobson-richardson> (<https://www.archdaily.com/552221/spotlight-henry-hobson-richardson>).

38

Дневник, 327.

39

Дневник, 15 мая 1885 года.

Купить: https://tellnovel.com/ru/goldfarb_bryus/ubiystvo-v-kukol-nom-dome-kak-rassledovanie-neob-yasnimyh-smertey-stalo-naukoy-kriminalistikoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)